

1. Зона максимального прилива и отлива;
2. Зона заплеска волн.

Для оценки морских выбросов на каждую из зон было поставлено по четыре человека.

6 августа 2011 г. участниками МПБШЭ «Биотерра» был совершен переход от бух. Половины до бух. Буян. На протяжении маршрута от бух. Половины до бух. Сосновой была проведена оценка загрязнения береговой полосы морскими выбросами.

Прибрежная полоса также была разбита на два участка:

1. Зона максимального прилива и отлива;
2. Зона заплеска волн.

Оценку морских выбросов на каждой из зон производили четыре человека.

Общая протяженность обследованной территории восточного побережья о. Беринга составила 22 000 м.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наибольшая степень загрязненности выявлена на участке № 2.

2. Наиболее частотным видом загрязнений является пластик (пластиковые емкости), а также пеньковые и капроновые рыболовные сети, веревки, канаты.

В числе других видов объектов загрязнений встречаются куски резины, резиновые предметы спецодежды (перчатки, обувь), жестяные предметы (крышки, банки), фрагменты мешков и других упаковочных материалов.

3. На всех участках интенсивность загрязненности зон заплеска волн гораздо выше приливно-отливной зон, что, по-видимому, связано с процессами накопления выбросов вследствие штормов.

4. В приливно-отливных зонах всех трех участков интенсивность загрязнений относительно равномерная, в зонах заплеска волн интенсивность загрязнений выше в средней полосе участка.

Таким образом, проведенное исследование показало, что восточное (берингоморское) побережье о. Беринга подвержено загрязнению морскими выбросами преимущественно антропогенного происхождения, что, очевидно, является следствием активной промысловой деятельности рыболовецких судов в водах Берингова моря.

Загрязнение береговой полосы – это не только эстетическая проблема. Различный морской мусор, который выбрасывает волнами на побережье, представляет серьезную опасность для экосистем литоральной зоны.

Осколки стекла и обрывки сетей травмируют морских обитателей, полиэтиленовые пакеты забивают жабры рыб и дыхательные отверстия китов.

Животные запутываются и гибнут в сетях. Пластиком могут кормиться птицы и другие существа, считая его своей добычей. Заглатывание такого корма вызывает у животных внутренние травмы, полное блокирование внутренних органов, истощение организма и ведет к гибели. Птицы по ошибке скармливают пластиковые куски своим птенцам, которые не только давятся, но и травятся продуктами разложения вредных веществ в организме.

Период разложения пластика более 100 лет, а стекла – более 1000 лет. А количество выбрасываемого мусора с годами, естественно, увеличивается. Таким образом, побережье заповедника в будущем может быть засыпано морским мусором.

Необходимо в будущем проводить подобные волонтерские работы с целью сохранения животного и растительного мира Командор в его естественном состоянии. Ведь Командорские острова – уникальная экосистема, сохранение которой имеет мировое значение.

О. К. Алексеева **МЫ – ОЛЕННЫЕ КОРЯКИ ИЗ РОДА АКЛЫ**

Моя мама, Эйни Акловна, по паспорту 1914 года рождения. Отец, Каккику Папович, тоже записан 1914 года рождения. На их долю досталась тяжелая жизнь преобразований только что зарождавшейся советской власти. По рассказам матери, мой дедушка Аклы Тупич и бабушка Кечева Авеевна не хотели вступать в колхоз. У них было большое стадо собственных оленей. Выпасали его всей большой семьей. Все сыновья трудились вместе с отцом Аклы, кочевали по бескрайней тундре (от Аманино, через гору Чичила, или, как русские говорят, Шишель, и до восточного побережья, через Еловский перевал). Окарауливали и приумножали поголовье своих оленей. Кечева Авеевна была второй женой моего деда после смерти первой жены Етан.

У мамы были братья Амага, Телневьи, Камак, Эвьява, сестры Еман, Элла, Вачав, последней было полтора года, когда репрессировали родителей. Маленькую свою сестру Вачав мама так и вырастила в табуне. Управляться с табуном без родителей было очень тяжело. Мама вела вьючных оленей со всем скарбом, а отец гнал стадо, у него за спиной сидела полутороговая Вачав. Когда от жары ей хотелось пить или когда она хотела есть, то начинала плакать. Отцу же нельзя было останавливаться, надо было гнать стадо на новое ягельное место, на снежники – подальше от оводов. Из-за жары и чувства постоянного голода маленькая Вачав засыпала у отца за спиной, он это чувствовал, когда головка ребенка начинала стучаться об отцовский затылок. Не давали покоя полчища оводов, комаров и тучи слепней. Когда Вачав подросла, мои родители многое ей прощали, помня, в каких условиях она росла. Однажды я спросила тетю: «Почему вы с Егаймав Кулкивной, тоже дочерью репрессированного отца, называете друг друга “уборочками”?» Оказалось, что когда в Седанке начиналась посевная, то все село выходило на посадку картофеля. В обеденный перерыв сельчане шли домой на обед, а подружки, дождавшись, когда все уйдут, выкапывали только что посаженную картошку и ели ее. Как только захотят есть, говорили друг другу: «Пойдем на уборку». «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...»

В публикации газеты «Знамя Ленина» «Первые органы Советской власти», рассказывавшей о становлении советской власти, промелькнуло имя Аклы Тупича как председателя туземного комитета селения Воямполка. Властям не понравилась позиция Аклы как яркого противника коллективизации, и записали его в кулаки, естественно, он уже не мог быть председателем туземного комитета. Дальше – больше... У деда реквизировали половину оленьего стада. Мама рассказывала, что на следующий год во время отела сохранили всех родившихся телят и дедушкино стадо опять имело то же поголовье. По рассказам моего отца, обмениваться оленями, то есть проводить селекцию, ходили на север – до Пахачей. Год шли на Пахачи и год шли обратно, на свою землю, и домой приходили уже с новым приплодом. Интересно, но в селениях Пахачи и Средние Пахачи говорили и сегодня говорят на седанкинском диалекте. Отец рассказывал, что у нашего рода там много родни. Но с камчатским бездорожьем добраться до Пахачей, найти родственников – большая проблема. Мой дедушка Аклы, конечно, был против коллективизации, потому что у него было крепкое хозяйство, оленей пасли сыновья Аклы и зятя, домашним хозяйством занималась женская половина семьи, включая невесток. Долгими вечерами дедушка вел беседы с домочадцами о преобразованиях в тундре. Он им говорил: «Наступит то время, когда вы будете покупать воду, дрова, у нас заберут всех оленей». Вспоминая его слова много лет спустя, я очень удивлялась, что это говорил коряк, не выдавший цивилизации, меня поразила его способность задумываться о грядущих переменах в жизни северян. Сегодня мы за все платим: и за воду, и за тепло в домах. Оленей сегодня нет, как государственных, так и частных.

Когда начались репрессии по всей Камчатке, труднее всего было арестовывать кочующих коряков, не желающих входить в колхоз и сдавать государству своих оленей. Моим родственникам, сопротивлявшимся вступлению в колхозную артель, было запрещено покупать товары в русских кооперативах. Дедушка делал закупки в американских факториях, но у американцев не было чая, обменивали только кофе. Мама рассказывала, что родственникам так хотелось попить крепкого, черного чая, непривычно было пить кофе. Как зачастую бывает, всегда находился подручный человек, желающий показать себя перед властями, выслужиться. Звали его Игум. Как и каждый оленный коряк, он прекрасно знал тундру. Именно Игум согласился быть проводником у сотрудников НКВД-ОГПУ во все стойбища и на кочевые маршруты оленеводов. Дедушку со всем своим семейством чекисты нагнали в отрогах Срединного хребта, где была летовка оленей. На том самом месте до сих пор лежит брошенный дедушкой винчестер, потому что когда его арестовывали, он сказал своим сородичам, чтобы не трогали винчестер. Кто знает, может, дедушка надеялся, что его освободят, что это ошибка, что он придет на это место и сможет подобрать свое ружье? Но то, что винчестер до сих пор лежит на камнях, покрытых мхом, это факт. Американцы на совесть производили свой товар, потому что оружие нисколько не заржавело, хотя времени прошло с 1938 г. немало. Сестра говорит, что только деревянный приклад изъеден древесным жуком. Она каждый год видела винчестер. Моя сестра Света с мужем Володей, со своими детьми Олегом и Игорем сегодня выпасают оленей коммерсанта, получившего государственных оленей, как сейчас говорят, «в лихие 90-е».

В Седанке, на месте, где стоял домик Игума, во время огородных работ В. И. Притчина вдруг выкопала какой-то небольшой металлический предмет, оказавшийся заржавевшим нагрудным знаком в честь 10-летия ОГПУ. Основанием знака служит герб тех времен, на гербе – оттиск знамени с барельефом Ф. Дзержинского, поверху – годы 1917–1927, понизу – оттиск О.Г.П.У. По-видимому, знак был выдан Игуму (больше некому) за особое рвение, предательство своих сородичей. За Игума

ни одна из женщин замуж не вышла, до конца своих дней он чувствовал немой укор односельчан. Много было случаев, когда Игума били или гоняли по селу односельчане, извечно храня в памяти пропавших неизвестно куда своих родителей. Род его не продолжился. Умер Игум от истощения и кровавого поноса. Когда он стал немощным, еды ему никто не поднес.

В давние времена вместе со служилыми казаками-первопроходцами на Камчатку пришли православные миссионеры. Первыми в православную веру миссионеры обратили аборигенов, которые вели оседлый образ жизни, живя по берегам рек и Охотскому побережью. Ительменам и нымыланам при крещении священнослужители писали в церковные книги, конечно же, русские имена. Поскольку письменности у аборигенов Камчатки не было, по прошествии столетий совершенно исчезли собственные имена ительменов, коряков-нымыланов. В этом плане повезло моим предкам. Исследователь Камчатки В. И. Йохельсон писал о том, что если корякам-оленеводам что-то не нравилось, те попросту откочевывали в бескрайнюю тундру. Просыпаются утром пришлые люди, а в стойбище, кроме них, уже никого нет. Благодаря кочевому образу жизни оленивые коряки сумели сохранить свой уклад, а самое главное, родной язык и собственные имена. Для примера: лесновские коряки-нымыланы вместо «хайлем», то есть «спасибо», говорят «пашева», искаженное русское «спасибо».

При рождении ребенка и сегодня седанкинские родители вместе с бабушками дают корякское имя, таким образом, у коряков-оленевонов два имени, одно русское – для паспорта, и корякское – для себя и родственников, чего нет ни у ительменов, ни у коряков-нымыланов.

Село Седанка Кочевая создавалось в 1939 г. Его население сформировалось в основном из членов семей репрессированных хозяев стойбищ. Сначала для строительства села было выбрано место впадения р. Россошиной в р. Напану. Неплохое место, но во время весенних паводков оно постоянно затапливалось. Тогда седанкинцы вынуждены были перекочевать на местечко чуть ниже по реке, туда, где стоит сегодняшняя Седанка. Население села составили на тот момент, в основном, женщины, чьих мужей репрессировали, и их дети. Конечно, одинокие женщины не смогли бы заниматься оленеводством, да и оленей к тому времени уже всех коллективизировали. На чердаке заброшенного дома в Седанке я нашла старые колхозные ведомости 30–40-х гг. XX в. В них одни женские имена, а мужские – это имена подростков, так как хозяев стойбищ к 1940 г. всех репрессировали. В документах Ю. Г. Попова неправильно написано «репрессирован(а) из села Седанка-Кочевая в 1938 году». До 1939 г. не было Седанки Кочевой, ее вообще не существовало.

Кочующие коряки в те далекие годы вообще не имели фамилий, в колхозных документах (колхоз им. Кирова) так и писали: Вевве Аллич, Элла Акловнин или Пайна Авкавовин. Сложно было первым кочевникам переходить на оседлый образ жизни. Не надо было кочевать, шить меховую одежду, стали одеваться в телогрейки, платья, кофты, пиджаки. Вместо родовых мелодий пели в клубе украинские и русские песни, порой не совсем понимая, о чем в них поется. Новая и незнакомая жизнь настораживала и пугала жителей тундры, надо было жить в незнакомых деревянных домах, одеваться в неудобную, чужую одежду. В первые годы оседлой жизни были случаи, когда коряки ставили внутри рубленого дома меховой полог – так им было удобно и привычно.

В последующие годы подросшие дети оленеводов в колхозах в колхозных табунах стали выпасать своих же оленей, только уже огосударственных. До семилетнего возраста дети оленеводов жили вместе с родителями в табунах. После семи лет своих детей оленеводы обязаны были сдавать в интернат. Было много случаев, когда из интерната пацаны убегали в табун, к родителям. Сегодняшние дети, выросшие в селении, не понимают, как это можно по полному бездорожью уйти в дикую тундру и безошибочно дойти до стойбища. А для меня и всех моих сверстников это было простое дело. Когда нас привозили в школу, мы ни слова не знали по-русски, но корякский язык знали учителя, приехавшие работать на Камчатку. Для приезжих врачей, учителей было обязательным условием изучить язык коренных жителей. А как долго мы, семилетние дети, привыкали есть борщ со сметаной или какой-нибудь пудинг. До сих пор помню, как меня посадили в столовой за стол, поставили передо мной тарелку с борщом, и в борщ шмякнулась большая ложка со сметаной. Сегодня я могу есть борщ, но без сметаны, без майонеза. В 60-е годы прошлого столетия прекратили обучать в школах корякскому языку местных ребятишек, воспитатели в интернате запрещали говорить на родном языке. Мы, дети, выросшие в тундре, ездившие на летние каникулы в тундру к родителям, помним, как мы жили в табуне, и мы не забыли родной язык. Появись сегодня олени, их будет некому выпасать, вся молодежь рвется в город, в благоустроенные места. Для внуков знание языка – большая проблема. Они родной язык не знают, да и знать не хотят. Старшее поколение тоскует по оленьему мясу, а купить его негде. Однажды привезли в Тигиль оленину, так это был настоящий праздник. Внуки предпочитают блочную свинину и говядину. Такова наша сегодняшняя жизнь.